

МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЗАКАРПАТЬЯ (1938–1944 гг.)

Казак О. Г. (Минск)

В статье рассматриваются различные аспекты функционирования молодежных организаций Закарпаття в 1938–1944 гг., таких как «Левенте», скаут, студенческие общества. Источниковую базу работы составляют впервые введенные в научный оборот документы Государственного архива Закарпатской области, Венгерского национального архива и Национального архива Чешской Республики, а также материалы региональной прессы (русинофильская газета «Неделя», русофильское издание «Русское слово» и венгероязычные официальные издания). Деятельность провластных организаций («Левенте», «Организация греко-католической молодежи» и др.) рассматривается в контексте официального курса «угро-русинизма», направленного на поддержку локальной русинской идентичности взамен иным национальным проектам и культивирование в среде восточнославянского населения региона идеи полной лояльности венгерскому государству. Кроме того, эти институции (в первую очередь – «Левенте») являлись действенным средством постепенной мадьяризации жителей края. Стремления венгерских властей были направлены на ликвидацию или максимальное ограничение деятельности тех культурно-просветительских организаций, члены которых придерживались русофильских и, особенно, проукраинских позиций. Тем не менее, русофильская организация «Центральный союз русских университетских студентов» имела довольно сильное влияние на закарпатскую молодежь, которая обучалась в университетах Венгрии. Созданные под эгидой властей институции, призванные пропагандировать идеи «угро-русинизма», однако, не пользовались поддержкой местной молодежи. Мадьяризаторские основания национальной политики Будапешта были очевидны. Лишь забота о международном имидже не позволяла венгерскому руководству осуществить радикальные проекты ассимиляции жителей Закарпаття.

Ключевые слова: национально-культурная жизнь, Закарпатье, идентичность, «угро-русинизм», мадьяризация, «Левенте», скаут, студенческие организации.

Закарпатье в первой половине XX в. являлось регионом со сложным национально-культурным ландшафтом, который характеризовался идейным противоборством носителей различных моделей национальной идентичности (украинской, русофильской, русинофильской). После присоединения края к хорватской Венгрии (1938–1939 гг.) новые власти сделали ставку на лояльную русинофильскую интеллигенцию и всячески ограничивали участие местного населения в русофильском и, особенно, украинском движениях. В этой связи молодежным организациям Закарпаття уделялось особое внимание, ведь именно новое поколение жителей края должно было стать носителем «нужной» Будапешту модели национальной идентичности.

Деятельности провенгерской молодежной организации «Левенте», а также скаутского движения Закарпаття посвящена работа венгерского историка Л. Бороша. В указанной статье на основании архивных источников анализируются структура, цели, основные направления деятельности этих институций. Высоким методологическим уровнем отличаются работы об организациях закарпатских студентов украинского историка К. Куцова. Автор рассматривает функционирование данных объединений в контексте борьбы между представителями русофильского и украинского национальных движений. Работы К. Куцова, однако, в основном охватывают чехословацкий период истории региона. Кроме того, отдельные аспекты деятельности молодежных институций рассматриваются в обобщающих научных трудах венгерских историков Л. Тилковски, Й. Ботлика, Л. Брензовича, Ч. Фединец, украинского исследователя Р. Официнского. Авторы, однако, в своих работах не использовали весь спектр архивных источников и опубликованных материалов. В этой связи в данной статье на основе впервые введенных в научный оборот документов Государственного архива Закарпатской области, Венгерского националь-

ного архива и Национального архива Чешской Республики анализируются ранее не известные аспекты деятельности молодежных организаций Закарпаття («Левенте», скаута, студенческих объединений) периода 1938–1944 гг.

Цель статьи – определить место молодежных организаций в структуре национальной политики Венгрии, направленной на укоренение локальной русинской модели идентичности населения Закарпаття.

Важной задачей венгерских властей являлось воспитание молодежи в «правильном» (с их точки зрения) духе. Одним из инструментов для достижения данной цели стало распространение деятельности организации «Левенте» на территорию Закарпаття. Организация занималась допризывной подготовкой молодежи, но ее функционирование оказало существенное влияние на национально-культурную ситуацию в регионе. Цель «Левенте», согласно уставу, заключалась в «воспитании у молодежи духа единства, национального чувства, религиозности, готовности к борьбе, военной, общественной и гражданской добродетели; развитию и консолидации национального сознания; повышении интеллектуальной и физической стойкости; обеспечении правильного использования молодежью своего свободного времени». В качестве средств достижения цели в уставе оговаривались: «организация празднований, представлений, курсов, соревнований, экскурсий, лагерей; занятия молодежи в библиотеках, хорах, музыкальных коллективах» [19, арк. 25]. Министр по делам религии и образования Венгрии в письме к руководителям отделов народнообразовательной внешкольной работы (13 апреля 1940 г.) отмечал, что многие новобранцы венгерской армии «не имеют элементарного национального чувства, которое необходимо для осознания национальной жизни, интеграции в венгерское сообщество и государственный организм». Этот пробел в воспитании молодежи, по мнению министра, должны были восполнить курсы

«Левенте» [22, арк. 2]. В Закарпатті організація «Левенте» розвинула визначену діяльність. Часто проводились зустрічі представників молодого покоління русинів з венгерськими військовими, в тому числі і в внутрішніх регіонах країни. В свою чергу, члени «Левенте» з етнічних венгерських районів організовували свої лагерь в околицях русинських сіл [2, old. 95]. Характер діяльності конкретних кружків «Левенте» в багатьох залежав від особистості регіональних керівників. Як найбільш одиозні мадяризатори проявили себе оточуючі начальники організації Э. Талфи (Тересва), Я. Коглович (Хуст), Я. Киш (Берегово) [11].

Незважаючи на всемерну підтримку інституції з боку властей, заняття «Левенте» не були популярні у молодіжці Закарпаття. 4 січня 1940 г. ужгородське жандармське відділення отримало повідомлення від начальника поліції міста про необхідність заборони відвідування курсів «Левенте» громадянами, «які здійснили злочини проти громадського порядку або перебували під наглядом поліції за антивенгерським злочинем». Згідно з інформацією цього документа, подібні випадки були частим явищем в Закарпатті [20, арк. 3]. Командуючий ужгородського округу «Левенте» в листі до бургомістра міста повідомляв, що в 1941–1942 навчальному році на заняттях «Левенте» відсутні 50–60 % учасників. Пояснювалось це, на думку керівника регіонального філіалу товариства, «дефіцитом одягу, викликаним військовим часом», а також «повільними відповідними правовими заходами та бюрократизмом в їх реалізації». В цьому зв'язку пропонувалося наступне рішення: розміщення з 15 серпня по 1 вересня 1942 г. великих оголошень, в яких міститься інформація про адміністративну відповідальність за невідвідування курсів «Левенте» [18, арк. 1].

Русофільське видання «Руська правда», дозволяючи собі достатньо різку критику національної політики венгерських властей в Закарпатті, періодично розміщало на своїх сторінках матеріали з негативною оцінкою діяльності «Левенте». Так, по зауваженню анонімного автора статті від 31 січня 1940 г., на танцювальний вечір товариства в Хусті прийшло «мало угорців, навіть з “Левенте”». Організатори пояснювали це «провокацією угорців» і їх «неохочею до мадярів», хоча самі, на думку автора, «не виконували братських обов'язків по відношенню до угорської громадськості». Всі афиші запланованого заходу були написані венгерською мовою, і «угорська публіка, бачивши неуважність до свого рідного, відплатила їм тим же» [36, с. 2]. Про низьку відвідуваність заходів «Левенте» повідомлялось і в венгеромовній офіційній «Карпатській венгерській газеті» («Kárpáti Magyar Hírlap»). По думці авторів статті від 5 червня 1943 г., цей факт доводив: «частина товариства не бачить в венгерській молодіжці майбутніх солдатів, героїв, державних будівельників», що являлось «плювком в душу і серце» венгерської громадськості [7, old. 2].

Реальна спроба організувати діяльність «Левенте» в відповідності з курсом «угро-русинізму» (т.є. пропаганди представлення про русинів як про окрему слов'янську націю, до якої чужді русофільські або проукраїнські настрої і незалежне розвиток самобутньої культури якої можливо лише в межах венгерського державства) була здійснена тільки в травні 1944 г. В Будапешті почав виходити двомовний (на русинській і венгерській мовах) журнал «Світле майбутнє» («Szebb Jövő»), який мав слугувати справі братської со-

співпраці русинської і венгерської народів». Редакція журналу просила «людей, знайомих з місцевими умовами і народною культурою», надіслати свої статті і замітки [21, арк. 43]. Однак реальність того часу вимагала від членів «Левенте» діяльності іншого роду: літом – осінню 1944 г. учасники організації привертались до бойових дій проти просоветських партизан [6, old. 58–59].

Венгерські владні органи намагались різними засобами протидіяти поширенню комуністичних настроїв в Закарпатті. Свої послуги в цій сфері Прем'єр-міністру Венгрії П. Телекі запропонував головний секретар «Національної асоціації католицької сільської молодіжці» (далі – НАКСМ) Й. Керкай. На його думку, агітаційні навчальні курси, організовані товариством, повинні були популяризувати в середовищі молодіжці з Закарпаття ідею «особистості до землі», «християнські і національні цінності» [13, old. 199]. В Закарпатті до кінця 1940 г. були створені 104 первичні осередки регіонального філіалу НАКСМ – Організації греко-католицької молодіжці (далі – ОГМ). Основною формою їх роботи стали проведення лекцій і випуск агітаційних буклетів антикомуністичного змісту [13, old. 208].

НАКСМ і ОГМ діяли в тісній зв'язці з «Левенте». 18 жовтня 1941 г. керівники організацій підписали угоду про співпрацю [28, с. 1]. ОГМ заявляла про свою місію всемерного просвіщення русинської молодіжці, а також декларувала аполітичність. В одній з програмних статей в газеті «Неделя» ОГМ іменовалась «християнською організацією молодіжці, яка виключає партійну, політичну і протинародну шкідливу діяльність, несе Богу, Церкві, державі і народу молодіжці здорову душу і тіло, чисту душевно і фізично, молодіжці з характером в повному значенні цього слова» [14, с. 4–5]. ОГМ регулярно організовувались триденні курси додаткового навчання, учасники яких слухали лекції о «Богі, державі, культурі села, господарстві, любові до Рідної, любові до Рідних і танцях». Метою подібних курсів провозглашалось виховання «нового людини, який повний оптимізму, енергії і відваги діяти на благо покращення соціально-культурної життя народу» [33, с. 3]. Учасникам курсів, які проводились в лютому 1943 г., була організована зустріч з регентом комісаром П. В. Томчани, який провів торжественну мову на русинській мові і пожертвував 150 скоринок на святковий обід на честь закінчення роботи школи [34, с. 2]. В місцевій пресі такі курси ОГМ позиціонувались як відповідь на «ложні звинувачення» в адрес венгерських властей в мадяризації і недостатній увазі до русинської культури [24, с. 4].

В міжвоєнний період в Закарпатті діяли скаутські організації як русофільської, так і української орієнтації. Після входження регіону в склад Венгрії місцеві громадські діячі почали обговорювати перспективи роботи оновленого скаута. Ініціаторами цього процесу стали русофільський «Угро-руський скаут ім. А. Духновича» (керівник – русофил С. Фенчик), входивший в міжвоєнний період в Чехословацьку федерацію скаутів. В квітні 1939 г. співробітники цієї інституції представили С. Фенцику план організації скаутської роботи в регіоні, який передбачав: автономію скаутської організації Закарпаття в складі общевенгерського скаута; членство в організації виключно «громадян Венгрії угро-руської національності»; здійснення керівництва

исключительно «угро-русскими»; право самостоятельного выбора языка, команд, униформы, флага и значков. Всю подготовительную работу должны были осуществлять «угро-русы, имевшие опыт скаутской деятельности». Руководство русофильской скаутской организации не отрицало возможности достижения договоренности со своими идейными противниками – проукраински настроенными деятелями: предлагалось пригласить на совещание, посвященное проблемам скаутской работы в регионе, представителей молодежной организации «Пласт» [17, арк. 1–2].

Венгерские власти, однако, предпочли сами контролировать организацию движения в Закарпатье. Согласно решению Премьер-министра П. Телеки от 16 февраля 1940 г., в регионе запрещалась деятельность «Угро-русского скаута им. А. Духновича», а также начиналась работа по организации отдельного русинского района в составе общевенгерского скаута. Возглавить организацию должен был преподаватель ужгородской гимназии С. Федор [2, old. 98]. В мае 1940 г. в присутствии П. Телеки и регентского комиссара Ж. Перени был освящен флаг скаутской организации ужгородской греко-католической духовной семинарии, которая начала свою работу еще в октябре 1939 г. Организация декларировала свою верность идеям «святостефанизма» и «угро-русинизма». Л. Миги, выступая на торжественном собрании от имени студентов семинарии, заявил: «Мы, русины, в королевстве Святого Стефана берем на себя старую роль и будем охранять государство Святого Стефана, святостефанские границы» [32, с. 3]. В распоряжении регентского комиссара Подкарпатской территории от 20 мая 1940 г. подчеркивалась необходимость «расширения скаутской работы в интересах лучшего будущего Отечества и всего человечества» [23, арк. 1].

Весной – летом 1940 г. перспективы скаутского движения в Закарпатье активно обсуждались С. Федором и его коллегами по ужгородской гимназии. С. Федор придерживался умеренной русофильской позиции, однако в целом был склонен к компромиссу с венгерскими властями и был готов учитывать особенности официальной национально-культурной политики. С. Федор отрицательно оценивал чрезмерно резкую риторику отдельных своих коллег – последовательных русофилов. Так, например, на совещании преподавателей гимназии 30 марта 1940 г. учитель М. Грига заявил о необходимости организации «независимого русского скаута в национальном духе», а также подчеркнул угрозу вхождения региональных организаций в общевенгерскую скаутскую структуру: учитель утверждал, что «угро-русское меньшинство будет подавлено венгерским большинством в общей организации», «венгры не понимают интересов угро-русских скаутских команд» [10, old. 103–104]. На следующем совещании, прошедшем 2 апреля, М. Грига попросил разъяснить некоторые аспекты: официальный язык коммуникации в скаутской организации, язык команд (в качестве негативного примера насаждения венгерского языка М. Грига назвал деятельность общества «Левенте»); текст скаутской присяги; возможность вступления этнических венгров в «угро-русский скаут». Из ответов лидеров скаутского движения Закарпатья – С. Федора, Л. Крайнича и М. Веллманна – следовало: официальным языком регионального скаута должен быть язык «угро-русский язык», были разработаны «безупречные в лингвистическом плане команды на русском языке»; скауты должны были присягать «на верность венгерскому государству, но не венгерской нации»; ученики венгерской национальности не могли стать членами «угро-русского скаута» [9,

old. 102]. Впрочем, не все озвученные принципы работы скаута соответствовали действительности. В конце марта 1940 г. жандармский поручик Г. Стахо презентовал полный набор инвентаря лучшему скаутскому кружку региона – кружку им. М. Берччи в с. Великое Березное. Жандармский служащий особо отметил, что в работе общества использовался как русинский, так и венгерский язык [30, с. 4]. В переписке с центральным руководством венгерского скаута С. Федор указывал на необходимость обеспечения библиотек общества достаточным количеством литературы на русинском языке, организации образовательных курсов для скаутских работников [3, old. 255].

Деятельность скаута Закарпатья была окончательно оформлена указом Премьер-министра от 1 декабря 1940 г. Был образован Двенадцатый скаутский район, входивший в состав Венгерской ассоциации скаутов. Его председателем стал С. Федор, заместителем – И. Гемеш [2, old. 98]. Для проведения мероприятий, организации летних лагерей и покупки оборудования решением Премьер-министра организации было выделено 1500 пенго [3, old. 255]. Скауты вместе с членами организации «Левенте» участвовали практически во всех официальных торжественных мероприятиях, проводимых под эгидой венгерских властей. Согласно отчету полиции Ужгорода, «угро-русский скаут оказывал содействие в организации и проведении общественных мероприятий», «политической деятельности не вел» [8, old. 50]. Однако, в работе отдельных кружков заметным было влияние умеренных русофилов. Например, в мае 1942 г. руководитель сваявской скаутской организации И. Полянский добился присвоения кружку имени И. Сильвая – известного русофильского деятеля второй половины XIX в. [29, с. 9].

Студенческие объединения традиционно играли заметную роль в национально-культурной жизни Закарпатья. После включения Закарпатья в состав Венгрии 150 из 600 человек, которые до этого являлись студентами вузов Чехословакии, продолжили обучение в университетах венгерских городов (Будапешт, Дебрецен, Шопрон, Печ) [4, old. 138]. Весной – летом 1939 г. в региональной прессе обсуждалась возможность открытия университета в Ужгороде, однако данный план так и не был реализован [5, old. 17]. В первый учебный год на основании решения Министра внутренних дел Венгрии студенты из Закарпатья имели ряд льгот (например, в обеспечении питанием, выплате экзаменационных сборов), которые позже были отменены [5, old. 18]. В 1943 г. лишь 22 студента из Закарпатья получали стипендии (400–600 пенго). Регентский комиссар Подкарпатской территории П. В. Томчани выделил на 1944 г. 3350 пенго на стипендии для тех студентов русинской национальности, которые занимались изучением венгерской истории, а также тем венграм, которые исследовали русинскую проблематику. Для налаживания «взаимопонимания между народами» поощрялась практика проведения летних каникул студентами из Венгрии в Закарпатье, а русинами – во внутренних регионах Венгрии [12]. С этой же целью студентов из Закарпатья в общежитиях поселяли в одну комнату с венграми, что являлось одним из инструментов скрытой мадьяризации [12].

В чехословацкий период истории Закарпатья деятельность русинских студенческих организаций отражала общие тенденции национально-культурной жизни региона того времени и характеризовалась противоборством между русофилами и участниками украинского национального движения.

После событий марта 1939 г. студенческое движение оказалось деморализованным и дезорганизованным. Только в сентябре 1940 г. по инициативе студента юридического факультета Печского университета русофила И. Ковача (приближенного С. Фенцика) в Ужгороде состоялся съезд студенческой молодежи, на котором было объявлено о создании «Центрального союза русских университетских студентов» (далее – ЦСРУС) [27, с. 176–177]. Венгерские власти отнеслись к данному съезду с крайней настороженностью. Так, жупан Ужанской жупы в донесении Премьер-министру Венгрии П. Телеки сообщал, что практически все присутствовавшие на съезде выступали на русском языке, «направляли свои взоры не на Будапешт, а на Москву», «возвышали великорусскую, московскую культуру, которую считали древнейшей в Карпатах». По мнению чиновника, эти идеи несли угрозу венгерской государственности. Он рекомендовал вести среди студентов из Закарпатья пропаганду в духе официального идеологического курса «угро-русинизма» [15, арк. 8].

Ужгородский съезд показал, что студенческие лидеры не поддерживали данный курс и склонялись к русофильству. Так, И. Ковач объявил русский язык официальным языком организации и отказался от использования русинского языка, процесс кодификации которого проходил в то время, по причине его несоответствия «традиционному народному духу» [16, арк. 10]. Впрочем, уже в декабре 1940 г. часть студентов Дебреценского университета, который являлся наиболее популярным вузом у выходцев из Закарпатья, заявила о создании организации в духе «угро-русинизма». Заметка об этом событии появилась в русофильском издании «Русское слово». По сообщению автора статьи, планировалось создание организации в рамках ЦСРУС, но часть студентов «пошла на сговор и сгруппировалась в кружок», который «через одну ночь сменил свой русский облик и стал называть себя русским, русинским». В газетной заметке также подчеркивалось, что большинство «русских студентов Дебреценского университета всецело стало на сторону ЦСРУС и не принимало участия в работе, направленной против этой организации и против самих себя» [37, с. 2]. Студенты, которые решили отделиться от русофильской организации, создали «Общество подкарпатских русинских университетских студентов» (далее – ОПРУС). Ведущую роль в данном объединении играли студенты Дебреценского университета В. Булеца и К. Яськов. Между лидерами русофильской и русинофильской организаций начался затяжной конфликт, который сопровождался взаимными обвинениями в неправомерном присвоении денежных средств студентов. При

этом ЦСРУС помещал свои разоблачающие заметки на страницах издания «Русское слово» [25, с. 4; 26, с. 3], а ОПРУС – на страницах газеты «Неделя» – рупора приверженцев «угро-русинизма» [38, с. 6]. ОПРУС выражало полную лояльность официальному идеологическому курсу. Так, К. Яськов, выступая на торжественном собрании русинских студентов Дебреценского университета 22 мая 1941 г., заявил о приверженности организации «святостефанской идее общей судьбы венгров и русинов» [1, old. 1]. Регентский комиссар М. Козма в своем выступлении на собрании ОПРУС в Дебрецене 22 октября 1941 г. еще раз очертил основные постулаты «угро-русинизма»: «Угро-русский народ хотели украинизировать, русифицировать, но подобная связь опаснее для угро-русского бытия, чем какая-нибудь иная. Венгерская политика такова, что я бесчисленное количество раз провозглашал, что угро-русский народ есть самостоятельно развившимся славянским народом» [35, с. 2]. Накануне этого визита М. Козмы лидеры ОПРУС К. Яськов и И. Бреца предложили студентам из Закарпатья, которые обучались в Дебрецене и Будапеште, заключить с регентским комиссаром специальный договор в обмен на стипендии. Студенческое сообщество, однако, с прохладой встретило данный проект, который в итоге не был реализован. Вскоре студентов из Закарпатья, которые обучались в Будапеште, силовыми методами (под угрозой лишения стипендий) заставили вступить в общевенгерскую организацию «Ракоци» [31, с. 169].

Выводы. Таким образом, культурно-просветительские общества, которые функционировали в русле политики «угро-русинизма» и провозглашали полную аполитичность своих программных установок, пользовались поддержкой (в том числе финансовой) со стороны властных элит. Русинофильские общества, созданные по инициативе венгерской администрации, не вызывали сколько-либо заметного интереса у местного населения. Фаворизируемое Будапештом прорусинское крыло организации студентов из Закарпатья, обучавшихся в вузах Венгрии, значительно уступало в популярности русофильскому ЦСРУС под руководством И. Ковача. Венгерские власти навязывали молодежи края обязательное участие в организации «Левенте», которая стала одним из наиболее одиозных инструментов мадьяризации местного населения; ее деятельность являлась предметом критики со стороны значительной части интеллигенции региона. Репрессивный характер политики властей хортистской Венгрии в Закарпатье обусловил общее неприятие ее национально-культурной политики со стороны большинства местного населения.

Список використаних джерел

1. A Kárpátaljai Ruszin Egyetemi Hallgatók Egyesülete megalakult Debrecenben // Kárpáti magyar hirlap. 1941. Május 29. Old. 1.
2. Boros L. Cserkészek és leventék Kárpátalján 1938–1941 között // Acta Beregsasiensis. 2011. № 1. Old. 93–100.
3. Botlik J. Egestas Subcarpathica: adalékok az Északkeleti-Felvidék és Kárpátalja 19–20. századi történetéhez. Budapest : Hatodik Síp Alapítvány, 2001. 328 old.
4. Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939–1944. Ungvár : Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204 old.
5. Fedinec C. Fejezetek a kárpátaljai magyar közoktatás történetéből (1938–1991). Budapest : Nemzetközi Hungarológiai Központ, 1999. 160 old.
6. Kövendy K. Csendőrtiszt a Kárpátokon. Egy csendőrtiszt naplója Magyarország történelmének legnehezebb és legszomorubb idejéből, 1944. Budapest : Szerző, 1953. 112 old.
7. Magyar «Levente-est» a Városi Színházban // Kárpáti magyar hirlap. 1943. Junius 5–6. Old. 2.
8. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 50.
9. MNL OL. F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 101–102.
10. MNL OL. F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 103–105.
11. Národní archiv České republiky (NAČR). F. MV-L. Sign. 2-10-4. Kart. 114.
12. NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-11. Kart. 114.
13. Tilkovszky L. Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941). Budapest : Akadémiai Kiadó, 1967. 349 old.

- 14.Бобибча Н. О.Г.М. въ светлее сельскихъ руськихъ хлопцевъ // Неделя. 1942. 8 новембра. С. 3–5.
- 15.Державний архів Закарпатської області (ДАЗО). Ф. 47. Оп. 1. Спр. 139. Арк. 8.
- 16.ДАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Спр. 139. Арк. 10.
- 17.ДАЗО. Ф. 50. Оп. 3. Спр. 358. Арк. 1–2.
- 18.ДАЗО. Ф. 94. Оп. 5. Спр. 278. Арк. 1.
- 19.ДАЗО. Ф. 185. Оп.3. Спр. 52. Арк. 24–35.
- 20.ДАЗО. Ф. 281. Оп. 1. Спр. 568. Арк. 3.
- 21.ДАЗО. Ф. 1060. Оп. 1 Спр. 137. Арк. 43.
- 22.ДАЗО. Ф. 1096. Оп. 1. Спр. 7. Арк. 2.
- 23.ДАЗО. Ф. 1096. Оп.1. Спр. 41. Арк. 1.
- 24.Дядько Докевичъ. Закончився и другий руський курсъ на Высшой Школе Народного Образования въ Унгваре // Неделя. 1944. 5 марта. С. 4.
- 25.Ковачъ И. Куда девалось имущество нашихъ студенческихъ организаций // Русское слово. 1942. 22 июля. С. 4.
- 26.Ковачъ И. Наше студенчество // Русское слово. 1942. 1 июля. С. 3.
- 27.Куцов К. Иван Иванович Ковач // Календар краєзнавчих пам'ятних дат на 2012 рік: Рекомендаційний бібліографічний посібник / укл. Н. М. Вачиля, Г. В. Бобонич. Ужгород, 2011. С. 176–177.
- 28.ЛОК–КАЛОТ // Неделя. 1941. 9 новембра. С. 1.
- 29.М. кор. держ. коэд. гражд. школа в Сваляве с руськимъ преподавательнымъ языкомъ. Годичный отчетъ за 1941 / 1942 учебный годъ / составилъ при сотрудничестве профессорской корпорации директоръ И. Лендъель. Свалява : Типографія «Туруль», 1942. 31 с.
- 30.Найлепший великобрезнянскій скавт достане целый прибор // Карпатска неделя. 1940. 31 марта. С. 4.
- 31.Офіцинський Р. А. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ : Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.
- 32.Премієр-міністер граф Телеки на торжественномъ посвяченю прапора скавтов гр. кат. Дух. Семинаріє // Карпатска неделя. 1940. 19 мая. С. 3–4.
- 33.Про высшу школу народного образования О.Г.М. // Неделя. 1943. 31 януара. С. 3.
- 34.Регентскій комиссаръ П. Вильгельмъ Томчаній навищививъ высшу школу народного образования О.Г.М. // Неделя. 1943. 28 февруара. С. 2.
- 35.Регентскій комиссаръ Николай Козма среди угрорусскихъ студентовъ в Дебрецене // Карпаторусскій голось. 1941. 22 октября. С. 2.
- 36.Танцевальная вечерина хустскихъ Левентовъ // Русская правда. 1940. 31 января. С. 2.
- 37.Фридманскій И. Кое-что о студенчестве // Русское слово. 1940. 8 декабря. С. 2.
- 38.Язьковъ К. Куда девалось имущество бывшихъ студенческихъ организаций // Неделя. 1942. 12 июля. С. 6.

References

1. A Kárpátaljai Ruszin Egyesütemi Hallgatók Egyesülete megalakult Debrecenben // Kárpáti magyar hirlap. 1941. Május 29. Old. 1. (in Hungarian).
2. Boros L. Cserkészek és levették Kárpátalján 1938–1941 között // Acta Beregsasiensis. 2011. № 1. Old. 93–100. (in Hungarian).
3. Botlik J. Egestas Subcarpathica: adalékok az Északkeleti-Felvidék és Kárpátalja 19–20. századi történetéhez. Budapest : Hatodik Síp Alapítvány, 2001. 328 old. (in Hungarian).
4. Brenzovics L. Nemzetiségi politika a visszacsatolt Kárpátalján 1939–1944. Ungvár : Kárpátaljai Magyar Kulturális Szövetség, 2010. 204 old. (in Hungarian).
5. Fedinec C. Fejezetek a kárpátaljai magyar közoktatás történetéből (1938–1991). Budapest : Nemzetközi Hungarológiai Központ, 1999. 160 old. (in Hungarian).
6. Kövendy K. Csendőrök a Kárpátokon. Egy csendőrtiszt naplója Magyarország történelmének legnehezebb és legszomorúbb idejéből, 1944. Budapest : Szerző, 1953. 112 old. (in Hungarian).
7. Magyar «Levente-est» a Városi Színházban // Kárpáti magyar hirlap. 1943. Junius 5–6. Old. 2. (in Hungarian).
8. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 50. (in Hungarian).
9. MNL OL. F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 101–102. (in Hungarian).
10. MNL OL. F. K 149. 251. cs. 1942. 6. t. 6001–12000. alapszám. Old. 103–105. (in Hungarian).
11. Národní archiv České republiky (NÁČR). F. MV-L. Sign. 2-10-4. Kart. 114. (in Czech).
12. NÁČR. F. MV-L. Sign. 2-10-11. Kart. 114. (in Czech).
13. Tilkovszky L. Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941). Budapest : Akadémiai Kiadó, 1967. 349 old. (in Hungarian).
14. Bobybycha N. O.Gh.M. v svetlee seljskykh rusjkykh khlopcev // Nedelja. 1942. 8 novembra. S. 3–5. (in Ukrainian).
15. Derzhavnyj arkhiv Zakarpatsjkoji oblasti (DAZO). F. 47. Op. 1. Spr. 139. Ark. 8. (in Hungarian).
16. DAZO. F. 47. Op. 1. Spr. 139. Ark. 10. (in Hungarian).
17. DAZO. F. 50. Op. 3. Spr. 358. Ark. 1–2. (in Russian).
18. DAZO. F. 94. Op. 5. Spr. 278. Ark. 1. (in Hungarian).
19. DAZO. F. 185. Op.3. Spr. 52. Ark. 24–35. (in Hungarian).
20. DAZO. F. 281. Op. 1. Spr. 568. Ark. 3. (in Hungarian).
21. DAZO. F. 1060. Op. 1 Spr. 137. Ark. 43. (in Hungarian).
22. DAZO. F. 1096. Op. 1. Spr. 7. Ark. 2. (in Hungarian).
23. DAZO. F. 1096. Op.1. Spr. 41. Ark. 1. (in Ukrainian).
24. Djadjko Dokevych. Zakonchivsja y drughyj rusjkyj kurs na Vysshoy Shkole Narodnoho Obrazovanja v Unghvare // Nedelja. 1944. 5 марта. S. 4. (in Ukrainian).
25. Kovach" I. Kuda devalos' imushhestvo nashih" studencheskih" organizacij // Russkoe slovo. 1942. 22 ijulja. S. 4 (in Russian).
26. Kovach" I. Nashe studenchestvo // Russkoe slovo. 1942. 1 ijulja. S. 3. (in Russian).
27. Kucov K. Ivan Ivanovykh Kovach // Kalendar krajeznavchjkh pam'jatnykh dat na 2012 rik: Rekomendacijnyj bibliografichnyj posibnyk / ukl. N. M. Vachylja, Gh. V. Bobonych. Uzhghorod, 2011. S. 176–177 (in Ukrainian).
28. LOK–KALOT // Nedelja. 1941. 9 novembra. S. 1. (in Ukrainian).
29. M. kor. derzh. koed. ghrazhd. shkola v Svaljave s rusjkyk prepodavatel'nyj jazykom. Ghodychnyj otchet za 1941 / 1942 uchebnyj ghod / sostavyl pry sotrudnychestve professorskoj korporacij dyrektor Y. Lendj'el. – Svaljava : Typoghrafija «Turulj», 1942. – 31 s. (in Russian).
30. Najlepshyj velykobereznyjanskyj skavt dostane celyj prybor // Karpatska nedelja. 1940. 31 marta. S. 4 (in Ukrainian).
31. Oficyns'kyj R. A. Politychnyj rozvytok Zakarpattja u skladi Ughorshhyny (1939–1944). Kyjiv : Institut istoriji Ukrajinjy NAN Ukrajinjy, 1997. 244 s. (in Ukrainian).

32. Premier-mynyster ghrاف Teleky na torzhestvennom posvjachenju prapora skavtov ghr. kat. Dukh. Semynarie // Karpatska nedelja. 1940. 19 maja. S. 3–4. (in Ukrainian).
33. Pro vysshu shkolu narodnogho obrazovanja O.Gh.M. // Nedelja. 1943. 31 januara. S. 3 (in Ukrainian).
34. Reghentskyj komysar P. Vyljgheljm Tomchanij navyshhyvyv vysshu shkolu narodnogho obrazovanja O.Gh.M. // Nedelja. 1943. 28 februara. S. 2. (in Ukrainian).
35. Regentskij komissar "Nikolaj Kozma sredi ugorusskikh" studentov" v Debrecene // Karpatorusskij golos". 1941. 22 oktjabrja. S. 2. (in Russian).
36. Tanceval'naja vecherina hustskih" Leventov" // Russkaja pravda. 1940. 31 janvarja. S. 2. (in Russian).
37. Fridmanskij I. Koe-chto o studenchestve // Russkoe slovo. 1940. 8 dekabrja. S. 2. (in Russian).
38. Jaz'kov" K. Kuda devalos' imushhestvo byvshih" studencheskikh" organizacij // Nedelja. 1942. 12 julija. S. 6. (in Russian).

РЕЗЮМЕ

МІСЦЕ МОЛОДІЖНИХ ОРГАНІЗАЦІЙ В НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМУ ЖИТТІ ЗАКАРПАТТЯ (1938–1944 рр.)

Казак О. Г. (Мінськ)

У статті розглядаються різні аспекти функціонування молодіжних організацій Закарпаття в 1938–1944 рр., таких як «Левенте», скаут, студентські товариства. Джерельну базу роботи складають вперше введені в науковий обіг документи Державного архіву Закарпатської області, Угорського національного архіву та Національного архіву Чеської Республіки, а також матеріали регіональної преси (русофільська газета «Неделя», русофільське видання «Русское слово» та угорськомовні офіційні видання). Діяльність провладних організацій («Левенте», «Організація греко-католицької молоді» та ін.) розглядається в контексті офіційного курсу «угро-русинізму», спрямованого на підтримку локальної русинської ідентичності замість інших національних проєктів та культивування в середовищі східнослов'янського населення регіону ідеї повної лояльності угорській державі. Крім того, ці інституції (в першу чергу – «Левенте») були дієвим засобом поступової мадяризації краю. Прагнення угорської влади були спрямовані на ліквідацію або максимальне обмеження діяльності тих культурно-просвітницьких організацій, члени яких дотримувалися русофільських і, особливо, проукраїнських позицій. Проте, русофільська організація «Центральний союз руських університетських студентів» мала досить сильний вплив на закарпатську молодь, яка навчалася в університетах Угорщини. Створені під егідою влади інституції, покликані пропагувати ідеї «угро-русинізму», однак, не користувалися підтримкою місцевої молоді. Мадяризаторські підстави національної політики Будапешта були очевидними. Лише турбота про міжнародний імідж не дозволяла угорському керівництву здійснити радикальні проєкти асиміляції закарпатців.

Ключові слова: національно-культурне життя, Закарпаття, ідентичність, «угро-русинізм», мадяризація, «Левенте», скаут, студентські організації.

SUMMARY

PLACE OF YOUTH ORGANIZATIONS IN THE NATIONAL-CULTURAL LIFE OF ZAKARPATTIA (1938–1944)

O. Kazak (Minsk)

The article discusses various aspects of the functioning of youth organizations in Zakarpattia in 1938–1944, such as «Levente», scouts, student organizations. The source base of the article consists of the documents of the State Archive of the Zakarpattian Region, the Hungarian National Archive and the National Archive of the Czech Republic, as well as materials of the regional press (the Rusinophile newspaper «Nedelya», the Russophile newspaper «Russkoe slovo», Hungarian-language official publications), which were first put into scientific circulation. The activities of pro-government organizations («Levente», «Organization of Greek Catholic Youth», etc.) are considered in the context of the official course of «Ugro-Rusinism», aimed to support local Ruthenian identity in return for other national projects and cultivation among Eastern Slavic population of the region the idea of complete loyalty to the Hungarian state. In addition, these institutions («Levente», first of all) were an effective means of gradual magyarization of the inhabitants of the region. The aspirations of the Hungarian authorities were aimed at eliminating or maximally limiting the activities of those cultural and educational organizations whose members adhered to Russophile and, especially, pro-Ukrainian positions. However, the Russophile organization «Central Union of Russian University Students» had a rather strong influence on Zakarpattian youth, who studied at universities in Hungary. The institutions created under the auspices of the authorities, designed to promote the ideas of «Ugro-Rusinism», however, did not enjoy the support of local youth. The foundations of the national policy of Budapest were obvious. Only care about the international image did not allow the Hungarian authorities to implement radical projects of assimilating the inhabitants of Zakarpattia.

Keywords: national and cultural life, Zakarpattia, identity, «Ugro-Rusinism», magyarization, «Levente», scouts, student organizations.